

На соискание Государственной премии СССР

КОГО только не встретишь на страницах книги стихов Николая Доризо «Пока деревья есть на свете!» Здесь возникают лица исторические, всем известные и, как принято говорить, — частные. Перед нами проходят Пушкин и космонавт Николаев, поэт Михаил Светлов и солдатские прачки, король Франции Генрих IV и мать-одиночка, бывший санюлот, затем ставший королем, и должностной из горного аула... Вот как разнообразны судьбы человеческие, привлекающие внимание Николая Доризо, побуждающие его братья за перо.

И все-таки главным действующим лицом оказывается сам поэт. Он очень энергичен, деятелен, любознателен, отзывчив. Потому и собраны в его книге характеристики столь несхожие. Его волнует, привлекает жизнь в самых разнородных ее проявлениях. Он напоминает и о деревьях, о том, как легко и как преступно причинять им боль. Ему мил полустанок «Минутка», в котором «у хат сидят старухи, сирень в садах цветет». Он с удовольствием изображает сорокапятилетнюю бабушку, всегда кого-то нянчившую — «то дочку, то внука свою», а теперь вдруг озадачившую свою семью и ушедшую... на свидание, к «нему», который ожидает ее возле кино.

Есть нечто общее во всех этих сюжетах. Они взяты из жизни, которую принято называть текущей, обыкновенной, повседневной. Но вот определения «неприметная», «незначительная» здесь уже не годятся. О будничном можно рассказать скучно, уныло, приземленно, а можно и увидеть, передать его внутреннее значение, смысл, нравственную наполненность. Доризо знает и любит повседневную жизнь, и его стих крепко-накрепко связан с долинами и холмами нашей действительности, дышит ее просторами.

Это подтверждается знакомством не только с теми вышеупомянутыми стихами, в центре которых человеческие биографии, но и со строками, непосредственно передающими переживания, раздумья, наблюдения поэта.

Сказав однажды: «Я верю в разум человека», Николай Доризо и в самом деле стремится утвердить разумное начало в нашей жизни. Он редко прибегает к прямым назиданиям и поучениям. Он признается в своих пристрастиях и склонностях, он делится своими убеждениями, открывает читателю свои душевные состояния. И, конечно же, по преимуществу эти, казалось бы, сугубо личные строки получают обобщенное звучание. Когда поэт заявляет: «Ведь если б я не помнил зла людского, я б никогда не помнил и добра», —

он высказывает истину, имеющую значение не только для него одного.

И еще — по собственному адресу: «...не имея никаких врагов, я не имел друзей себе в отместку». А отсюда и вывод: «Начни с того, что обрети врага, а вместе с ним ты обрешь и друга». Снова самоанализ переходит в душевное действие.

Как видно из приведенных выдержек, Николай Доризо умеет сжимать строки так, чтобы это сжатие не становилось помехой для ясного развития мысли и чувства. Рубаи — один из груднейших жанров восточной поэзии, и заметно, как настойчиво

«Смерть королям! Смерть королям!». И в восьми строках он «заставляет» Меньшикова «пирожками торговать», и водить полки, и «очнуться в Трегьяковской на холсте в продыmlенной избенке не по росту».

Но перейдем от лиц исторических к нашим скромным современникам. Вот почтительно изображены «солдатские прачки весны сорок пятого года. Вчерашние школьницы, мамыны дочки», отстирывающие «кровавую потную глину большого похода». А над ними сияет «первое мирное синее небо», такое синее, что поэт спрашивает девочек-работниц: «Не ваши ли руки его

ме, высвечивая новые и новые ее грани. И главным доказательством его искренней заинтересованности, его права вести речь об этих коренных проблемах, издавна волнующих человечество, оказываются те стихи, в которых доброта ведет его к людям, заставляет вникать в их потребности, побуждает предоставлять им пространство своего стиха.

Вот еще один пример — описание разговора немых... Поэту кажутся красноречивыми «их и взгляды и морщинки», ему милы и восторги детских глаз, «счастливых от общенья», и у него возникает желание упомянуть здесь «речь берез лесных», «трелет облаков в день ясный и ненастный». Нет, право же, мы признали поэзию Николая Доризо — человека, как говорится, бывалого.

Свойство это добыто отнюдь не посредством отвлеченных размышлений и умственных выкладок. Оно, судя по всему, родилось и окрепло в процессе общения с людьми, с действительностью. Ведь Николай Доризо — человек, как говорится, бывалый.

Впрочем, о том, как широко разбежались дороги, пройденные Николаем Доризо, нам позволяет судить стихотворение, написанное в шутку и всерьез. Поэт вспоминает свои ночлеги, и выясняется, что они были весьма и весьма разнообразны, за ними многие и притом несхожие куски жизни.

Мы имели возможность убедиться в том, что при всей своей отзывчивости и подвижности Николай Доризо последователен в своих устремлениях. И так естественно присутствие в его книге поэмы «В России Ленин родился». Проникнутая неподдельной любовью к величайшему человеку в истории рода людского и ясным пониманием исполненной его деятельности, поэма эта посвящена также памяти старшего брата В. И. Ленина — Александра Ильича Ульянова. С глубокой почтительностью пишет поэт о том, кто «кабинетный мир застольный, научный, новый свой трактат... променял на добровольный сырой и гиблый каземат», уподобляя его защитнику Ленинграда, бросившемуся с гранатой на гитлеровский танк. Сравнение смелое, но оправданное...

Здесь же, в завершающих главах поэмы, Доризо пишет о том, как верно, как хорошо было бы один из проспектов Ленинграда назвать именем А. И. Ульянова. И это предложение так характерно для поэта, счастливого тем, что он находится в гуще жизни, участвующего своим стихом в ее строительстве! Доброта его действительна, его песня к народу спешит!

Иосиф ГРИНБЕРГ

ПЕСНЯ К НАРОДУ СПЕШИТ...

О книге стихов Николая Доризо
«Пока деревья есть на свете»

Доризо стремится овладеть его возможностями. Ибо он вполне переходит от одного мотива к другому, каждый из них стремясь выразить с максимальной краткостью. Здесь идет речь и о том, что страшна не кончина, а ее ожидание; и о том, что для двух любящих, проживших вместе десятилетия, и уйти, быть может, легче, чем остаться; и о том, что «в нас что-то не стареет никогда, и, может, потому страшна нам старость»; и о том, что «безделье продлевает дни, но укорачивает годы»; и далее, далее — длится работа ума и сердца, как видим, не расширяемая по мелочам.

Конечно, краткость имеет различную меру в стихотворении афористическом и в стихотворении балладном, сюжетном. Но все же Николаю Доризо понадобилось относительно малое число строк для того, чтобы изложить биографию Бернадота, бывшего маршалом Франции, а затем восшедшего на шведский престол. Достаточно красноречивой оказалась татуировка, обнаруженная после его кончины:

постирали?». Конечно же, небо — необходимый возвышающий элемент в этой сугубо земной зарисовке!

Еще один простой сюжет, еще две тихие, но милые героини: «две старушки — мать и дочь, седенькие, старенькие... доживают век вдвоем тихо, однозвучно...». И в этой идиллии гайтся драма: судя по всему, мать, обожающая свое дитя, лишила ее счастья — «женихов разогнала — так ее любила».

Отдадим должное и умению Доризо выразить так лаконично запутанную душевную коллизия, и способности разглядеть в двух старушках сложную семейную историю. В этой внимательности угадывается неподдельная доброта. Об этом прекрасном качестве Николай Доризо говорит неоднократно. Он даже сравнивает ее с... лосенком, «что забрел доверчиво в поселок», и тем самым подчеркивает ее открытость, бесхитрость. Но это, конечно, лишь одна сторона огромного нравственного явления. И Доризо опять и опять возвращается к этой жгучей те-

Книжная
графика

Из иллюстраций художника Л. БОРЗЫК к книге Н. Доризо «Меч Победы». М. Восгиздат, 1975.

